

МӘДЕНИ МҰРА
ғылыми журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
научный журнал

CULTURAL HERITAGE
science journal

ISSN: 2708-3365

№ 4 (99)

Астана
2022

Редакциялық алқа:

Сыдыков А.Ж.	PhD докторы (Қазақстан), алқа төрағасы
Асанканов А.А.,	тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА корреспондент мүшесі (Қырғызстан)
Әбдуақап Қара,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Түркия)
Бороффка Н.,	археология докторы, профессор (Германия)
Бейсенов А.З.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Ибадуллаева З.Ө.,	тарих ғылымдарының кандидаты, доцент (Қазақстан)
Ибраева А.Г.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Ұлттық Жаратылыстану ғылымдары академиясының академигі (Қазақстан)
Қасенәлі А.Е.,	PhD докторы (Қазақстан)
Купаева А.Қ.,	PhD докторы (Қазақстан)
Қартаева Т.Е.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Малдыбаева Р.К.,	өнертану кандидаты (Қазақстан)
Мұқтар Ә.Қ.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Оңғар А.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Самашев З.С.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Төлеубаев Ә.Т.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Смағұлов О.С.,	ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы (Қазақстан)
Таймағамбетов Ж.Қ.,	ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Үмітқалиев Ұ.Ұ.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Шамильоглу Ю.,	Висконсин университетінің профессоры (АҚШ)

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Қажымас қайрат, қалтқысыз қызмет 4

Indefatigable Will, Unwavering Service 4

ТҰЛҒА. ТАҒЫМ. ТАҒЫЛЫМ / ЛИЧНОСТЬ. ПРИЗНАНИЕ. ПОЧТЕНИЕ

PERSONALITY. CONFESSION. HONOR

Елеуов М.Е. Археология заңғары	16
Подушкин А.Н. Пытливый ум, неутомимый исследователь	18
Тоқтабай А.У. Тастарға тіл бітірген тарлан ...	23
Боковенко Н.А. Культура саков Восточного Казахстана: поиск истоков	26
Мұқтар Ә.К. Археолог З. Самашевтың ортағасырлық Сарайшықты зерттеуге қосқан үлесі	32
Ермолаева А.С. Мой сокурсник Зайнолла Самашев	42
Сайлаубай Е.Е. Ұлт тарихын түгендеуші тұлға ..	45

Eleuov M.E. Patriarch of archeology	16
Podushkin A.N. An inquisitive mind, a tireless explorer	18
Toktabay A.U. A word about contemporary	23
Bokovenko N.A. The saka culture of Eastern Kazakhstan: a search for the origins	26
Muktar A.K. The contribution of archaeologist Z. Samashev to the study of the medieval Sarayshik	32
Ermolayeva A.S. My classmate Zaynolla Samashev ..	42

Мерц В.К. Короткие встречи на долгом пути ...	47
Табалдыев К.Ш. Зейнолла ағайыбыздың илимий эмгектерін дайым күтөбүз	50
Гасанов З.Г. Работа «Азербайджано-казахстанской международной археологической экспедиции» в 2019-2022 гг.	53
Омаров Ғ.К. Текті тұлға туралы толғаныс	59
Үмітқалиев Ұ.Ұ. Қазақ археологиясындағы мен таныған Зейнолла аға бейнесі	64

Sailaubay E.E. A person who studies the history of the nation	45
Merz V.K. Short meetings on a long journey	47
Tabaldiyev K.Sh. We always look forward to the scientific works of Zeynolla agai	50
Gasanov Z.G. The work of the «Azerbaijan-Kazakhstan International Archaeological Expedition» in 2019-2022	53
Omarov G.K. A word about a noble person	59
Umitkaliyev U.U. The image of Zeynolla aga in Kazakh archeology	64

ФОТОШЕЖІРЕ / ФОТОГАЛЕРЕЯ 67

PHOTOGALLERY 67

ҒАЛЫМНЫҢ ҒИБРАТТЫ ҒҰМЫРЫ / ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНЬ УЧЕНОГО

DIGNIFIED LIFE OF A SCIENTIST

Самашев З.С. Көне дүние қойнауына саяхат ...	94
Самашев З.С. Қазақ Алтайындағы Берел ескерткіші	96
Самашев З.С. Вопросы археологии раннего железного века Казахстана	112
Самашев З.С. Тарбағатай петроглифтері. Шимайлы	127
Самашев З.С. Изобразительная деятельность в эпоху средневековья	138
Самашев З.С. Петроглифтерді зерттеудің кейбір әдістері	149

Samashev Z.S. Journey into the depths of the ancient world	94
Samashev Z.S. Berel site of the Kazakh Altai ...	96
Samashev Z.S. Issues of archeology of Early Iron Age Kazakhstan	112
Samashev Z.S. Petroglyphs of Tarbagatay. Shimayly	127
Samashev Z.S. Fine activity in the Middle Ages ...	138
Samashev Z.S. Some methods of studying petroglyphs	149

Самашев З.С.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Статья посвящена исследованию периода появления государственных объединений тюркских племен в эпоху раннего средневековья как знакового события в культурной жизни Евразии. В работе данное явление рассмотрено с позиций особенностей декоративного, монументального искусства древних тюрков, наскальных рисунков, а также искусства населения оседлоземледельческих центров и городов. Автор изучает и описывает основные принципы оформления художественно-образной системы, технологии, символично-традиционную составляющую в качестве своеобразных маркеров, характеризующих общество в целом и человека в период средневековья.

Ключевые слова: средневековье, монументальное искусство, тюркские племена, торевтика.

Появление на исторической арене государственных объединений тюркских племен в эпоху раннего средневековья стало началом значительных изменений в культурной жизни Евразии. Древнетюркские народы унаследовали от своих предшественников – саков и хунну – наиболее лучшие достижения в области художественного воплощения действительности и мировосприятия.

Декоративное искусство древних тюрков

Одним из явлений, знаменующих формирование новой изобразительной системы, появившейся, в свою очередь, в результате изменений в области мировоззрения степных племен, стала торевтика малых форм (рис. 1). Именно в торевтике наиболее ярко выражены художественно-образные системы древнетюркских народов, хотя у них существовали и другие формы и средства для реализации своих эстетических и иных потребностей.

В раннем средневековье значительные преобразования происходят на уровне технологий изготовления, также на смену зооморфному орнаментальному коду приходит растительный. Использование полых рельефных накладок вместо массивных литых предметов скифского и гуннского времени обеспечило мастеров возможностью «изготовить большое количество изящных изделий при минимальных затратах металла» (Конькова, Король, 2001: 95-96; Король, 2008).

Высокий спрос на предметы торевтики обусловил общие закономерности развития технологической базы на протяжении всего средневековья. Литье, ажурное литье, золочение, серебрение, тиснение и другие способы изготовления и оформления предметов распространялись повсеместно, вне зависимости от этнической принадлежности мастеров.

С одной стороны, торевтика демонстрирует поразительное единство всех государственных объединений раннего и развитого

средневековья степной Евразии. Это единство, обусловленное общностью исторических судеб, на уровне художественного металла нашло отражение в формировании особого стиля эпохи: происходит победа орнаментального начала (Федоров-Давыдов, 1976: 61).

Тем не менее для каждого из вариантов «степной торовитики» характерно и своеобразие, обусловленное условиями формирования: местные традиции, ремесленная база, взаимоотношения с оседло-земледельческими центрами.

Художественная обработка металла использовалась в оформлении пояса, конской упряжи, предметов вооружения, украшений, бытовых предметов. Древние мастера фиксировали таким образом приоритеты данного общества, нацеленного на демонстрацию воинской доблести и силы, на осуществление защитных мер. Письменные источники сохранили многочисленные свидетельства того, что тюрки были первоклассными кузнецами и литейщиками.

В декоративном искусстве древних тюрков растительная орнаментация явилась не просто доминирующим направлением, а ее различные мотивы становятся показателем этнокультурного и социального положения членов социума (Кубарев, 2004: 333-338).

В орнаментальном искусстве тюрков представлены различные варианты пальметт, растительных побегов, образующих в подавляющем большинстве сердцевидные фигуры, цветочные розетки. Некоторые из них натуралистичны: изображаются побеги и гроздь винограда, плоды граната.

Определенную группу в средневековой торовитике занимают изображения животных – олени, косули, лошади, кошачьи хищники. Разворачивание сюжета происходит также в рамках традиций предшествующего времени: одиночные изображения, противостояние (размещение фигур напротив друг друга, в частности, по принципу зеркальной симметрии), линейно-развернутые изображения.

Продолжает свое развитие с эпохи ранних кочевников и образ воина. Металлические фигурки всадника, воина и его лошади, используемые, по-видимому, «в качестве украшений, нашивок, подвесок или амулетов», получили широкое распространение на всем ареале древнетюркских культур. В этой связи можно указать на интересные бляшки из Кондратьевки IV, расположенной недалеко от Семея (Алехин, 1998: 203).

Интересно, что в эпоху ранних кочевников мотив противостояния решался преимущественно на уровне собственно животного мира (хищники и травоядные, хищники и хищники), в эпоху средневековья важнейшим участником противостояния становится человек (мотив охоты).

Статус воина детально прорабатывался и с помощью поясной гарнитуры. В рассматриваемое время получили распространение пояса с разнообразными бляшками, украшенными нередко растительным орнаментом: геральдическими, сердцевидными, прямоугольными, сегментовидными, с фестончатыми краями (Добжанский, 1996: 30–31, 38–40). И поясная гарнитура, и конское снаряжение являлись многозначным магическим символом, частями единого сакрального комплекса).

Для древнетюркской эпохи Алтая и прилегающих территорий характерно совпадение практически всех элементов оформления конской гарнитуры с поясными: тройников-распределителей, бляшек (Добжанский, 1996). Встречаются различные

Рис. 1. Поясные подвески в виде рыбы. Зевакино, Карашат I. Восточный Казахстан. Раскопки Ф.Х. Арслановой, З. Самашева

Fig. 1. Belt pendants in the form of a fish. Zevakino, Karashat I. Eastern Kazakhstan. Excavations of F.H. Arslanova, Z. Samashev

Рис. 2. Бляшки от поясной гарнитуры, ornamentированные растительным узором. Восточный Казахстан

Fig. 2. Plaque from the waist garniture, ornamented with floral pattern. Eastern Kazakhstan

варианты амуниции; в наиболее полном виде она состояла из узды, нагрудных и подхвостных ремней. Имеются и менее содержательные образцы (рис. 2).

Для оформления области головы характерны крупные бляхи, султанчики. Эти предметы украшались растительным, геометрическим или зооморфным орнаментом. Необходимо отметить, что для «тюркской» традиции в оформлении конского снаряжения присуще разреженное оформление поверхности предмета: декорированы край с помощью растительных завитков и центр, где расположены изображения «жемчужины» или лотоса (Горбунова, 2005: 150-151).

Таким образом, предметы торевтики в эпоху раннего средневековья являлись своеобразными маркерами, характеризующими общество в целом и человека как его представителя.

Монументальное искусство

Одним из важнейших составляющих древнетюркского культурного комплекса является каменная скульптура, которая тесно связана с погребально-поминальной обрядностью и религиозно-идеологическими установлениями средневековых тюркских этносов Великого пояса евразийских степей.

Большинство произведений монументального искусства древнетюркских народов, передающих преимущественно антропоморфный образ, созданы в VI – XIV вв. и находятся в пространстве Великой степи и в прилегающих к ней регионах, расположенных между Восточной Монголией и р. Эльба в центре Европы. Самые выдающиеся образцы камнерезного искусства средневековых мастеров сосредоточены на территории Монголии, Казахстана, Кыргызстана, на Алтае, в Хакасии и в Тыве, а также в Восточном Туркестане и Внутренней Монголии (Самашев, Базылхан, Баяр, 2006: 30-33). К настоящему времени в степной Евразии зафиксировано, по предварительным подсчетам, более трех тысяч каменных изваяний.

Истоки камнерезного искусства и традиции установки вертикальных объектов теряются в глубинах допалеометаллических эпох.

Расцвет практики изготовления и обычая установки каменных статуй в соответствии с определенными религиозно-философскими представлениями, в частности, с культом предков и нормами культово-поминальной обрядности, приходится на древнетюркское время (VII – IX вв. н. э.). Однако и после этого данная традиция полностью не угасает, а находит продолжение уже в виде статуй команского – половецкого (Плетнева, 1974) и монгольского типов.

Есть общие принципы и правила установки древнетюркских каменных изваяний в честь умершего из знатного рода – в местах совершения обряда ритуального погребения или тризн, главным образом с восточной стороны культово-мемориальных комплексов, оград, располагающихся, как правило, на сакрализованных конкретным социумом территориях – *qoŋuq* > коруках. Такие территории известны в Жетысу и на востоке нашей страны.

В то же время каждая статуя строго индивидуальна как по трактовке черт лица конкретного посвящаемого индивидуума, так и по общей моделировке и атрибутированию в зависимости от его прижизненного статуса. Например, сидячая поза со скрещенными ногами в сочетании с богатой одеждой и символами власти – это памятник властелину; здесь показаны аристократическая манера держать миниатюрный сосуд для ритуального напитка двумя подчеркнуто изящными пальцами или большой кувшин обеими руками, регламентированный набор аксессуаров и оружия и т. д.

Древние тюрки верили в Верховное Небесное Божество – Тенгри, почитали священную Жер-Су, т. е. Землю и Воду, героизированных предков. После смерти особо почитаемых родоплеменных вождей, аристократов, полководцев и Неборожденных Каганов создавали их вечный каменный образ, поскольку увековечивание их памяти являлось неотъемлемой частью мировоззренческих и жизненных ориентиров древнетюркского социума.

В поминальных комплексах проводились ритуалы поклонения культу предков, церемонии отправления души покойного к Тенгри и связанные с ними обрядовые действия, в частности жертвоприношения и т. д. Свидетельством тому являются малые и большие курганы. Уникальны огромные комплексы, возведенные, например, в честь Билге кагана, Кюльтегина, Тоньюкука, Моюнчура (Ел етмиш кагана), Ел етмиш ябгу и других, на которых сохранились десятки каменных изваяний и различных иных объектов.

В ареале классической древнетюркской культуры – в центральной части Монголии, на Алтае и в Туве расположены знаковые объекты поминально-мемориального характера – так называемые княжеские комплексы, которые выделяются масштабностью и сложностью структуры и которые в свое время становились не просто корытками – заповедными зонами, где совершались обряды, посвященные Верховному небесному Тенгри, духам предков, поминки, т. е. центрами отправления государственных культов, а в большей степени – символами этнополитической консолидации родоплеменных объединений в составе Великого Тюркского каганата.

В эпоху раннего средневековья, наряду с традиционным обрядом ингумации, практиковали обычай, правда, не столь широко распространенный, – сожжение останков некоторых особо почитаемых лиц и погребение фрагментов кремированных костей, иногда в сопровождении определенного набора вещей, в поминально-мемориальных комплексах (кенотафах) сустановлением возле них изваяний или простой стелы. Памятники подобного рода, правда, рядового уровня, известны нам в Казахском Алтае, Жетысу и в других регионах Казахстана (Чариков, 1980: 130-140; Арсланова, 1972: 56-76).

Ни один из известных на сегодняшний день поминально-культовых комплексов, включая каганско-княжеские, не содержит человеческие захоронения.

Военно-политическая структура и система государственного управления у древних тюрков были созданы на основе древнего тенгрианского мировоззрения, краеугольным камнем которого является триединство «Тенгри – Человек – Земля».

Смерть (отлет души) владыки или героя повлечет за собой наступление хаоса и дисгармонии в социуме, поэтому возведение грандиозных поминальных комплексов с многочисленными статуями и другими важнейшими элементами наряду с проведением многоступенчатых ритуально-обрядовых церемоний (в том числе погребение или сожжение тела покойного) и избранием нового кагана направлены на восстановление миропорядка. Поэтому данные сооружения имели особое социально-политическое значение в древнетюркском государстве.

Существуют разные классификационные схемы развития каменной скульптуры древнетюркских народов Центральной Азии, созданные с учетом территориально-хронологических, этнокультурных и иных признаков и показателей.

Основные принципы оформления каменных статуй просты: придание позы, соответствующей рангу и социальному положению; оформление лица, изображение костюма, различных атрибутов и оружия. На каменных изваяниях изображались головные уборы, косы, халаты, обувь, пояса, украшения, оружие и сосуды, а также другие предметы: посох, птицы, посуда и др.

Особый интерес вызывают немногочисленные каменные статуи, которые дополнительно наделены изображениями жанровых сцен героико-повествовательного характера, например, Когалы в Жетысу (рис. 3). Для изготовления изваяний применялся широкодоступный местный материал, в основном мрамор, гранит, песчаник, сланец, базальт, диорит и др. Способ выполнения каменных изваяний зависел от мастерства резчика.

В казахских степях зафиксированы сотни каменных изваяний, которые близки по иконографии образа и этнокультурному облику, а также хронологически – с памятниками сопредельных территорий. Некоторые исследователи делят изваяния нашего региона на две группы: древнетюркского облика (VI/VII – VIII/IX вв.) и

кипчакского облика (середина IX – начало XIII в.) (Ермоленко, 2004: 16-17, 68-69).

В Казахстане наиболее полно исследованы два комплекса с изваяниями – Жайсан и Мерке на юге, функционировавшие предположительно в период существования Западнотюркского каганата (Досымбаева, 2006). В этническом плане их связывают по-разному: с он-ок-тюркешами, карлуками или огузами.

На территории Казахстана каганско-княжеских комплексов с соответствующими компонентами пока немного. В горах Тарбагатай на востоке страны, в урочище Елеке сазы зафиксирован комплекс сооружений, близкий по основным компонентам к каганско-княжеским корыкам на Орхоне. Поблизости найдена каменная статуя явно каганского облика, хранящаяся сейчас в краеведческом музее пос. Аксуат Восточного Казахстана.

Угасание традиции возведения поминальных комплексов с каменными антропоморфными статуями в казахских степях связано, естественно, с изменениями этнокультурной ситуации в регионе и религиозно-мировоззренческих ориентиров населения.

На поминальных памятниках, посвященных героям, предводителям и широко известным, особо отличившимся своими деяниями лицам, ставили одиночные изваяния. Иногда, в зависимости от количества пристроенных друг к другу поминальных оград, устанавливали в ряд соответствующее количество каменных изваяний. Практиковали также установку вертикальных камней, на которых иногда можно увидеть изображения личин и тамгообразных знаков.

Традиция установки каменных изваяний продолжалась и в последующие исторические периоды. В этом отношении особо примечательны кипчакские (команские) статуи, которые были распространены на территории Восточной Европы, и на них с особой тщательностью и большим мастерством показаны одеяния, оружие и другие мужские и женские атрибуты. Эта традиция позже у казахов и у других тюркских народов, синтезируясь с канонами ислама, нашла свое воплощение в установлении надгробных камней (кулпытасов).

Рис. 3.
Изваяние тюрков

Fig. 3.
Statue of the Turks

Наскальные рисунки

Гравюры эпохи великих древнетюркских каганатов запечатлели наиболее кульминационные события и сокровенные мысли своих создателей, представления о миропорядке, способы и формы восприятия действительности посредством лаконичных штрихов на шершавой поверхности вечного камня – подвиги и деяния воинов-богатырей, военно-политические события, иногда с комментариями посредством алфавитного письма – битик (или бичиг).

В изобразительном искусстве народов, населявших в эпоху средневековья огромные просторы Великой степи, доминирующим направлением становится гравировка. В ареале кочевых государственных образований Евразии, где зафиксированы материализованные следы их жизнедеятельности, заметно преобладание этого вида искусства. В петроглифическом искусстве народов обширной зоны с близким хозяйственно-культурным типом, образом жизни и мировосприятием феномен этого искусства проявляется наиболее ярко.

Графическое искусство эпохи средневековья, сохраняя по форме и содержанию некоторые черты искусства эпохи ранних кочевников (например, чрезвычайная экспрессивность), выработало для себя наиболее лаконичный стиль и изобразительный прием в передаче контура изображаемого зверя, т. е. своеобразный канон.

Уже в последние века I тыс. до н. э. в изобразительном искусстве кочевников азиатских степей начинают превалировать изображения животных и зверей в стремительно галопирующих позах, с выброшенными вперед-назад двумя или четырьмя ногами. Они выполнены лаконично и в то же время выразительной техникой тонкой резьбы по контуру – на скалах и плоскостях мобильных изделий из разных материалов с ограниченными размерами. К этому времени относится, видимо, формирование основных элементов средневекового звериного стиля.

В предшествующем таштыкском искусстве Южной Сибири мы видим уже сложившиеся каноны этого стиля. На западе и юго-западе синхронные или близкие по стилю и тематике памятники представлены парфянскими

граффити из Дура-Европос, «кангюйскими» гравировками из Орлата в Средней Азии.

В это время на смену скифо-сибирскому звериному стилю, для которого были характерны избранность мотивов, мифологичность сюжетов, хранение и передача информации в особом зооморфном коде, расшифровать которые могли немногие избранные в обществе; образы свернувшегося хищника (где каждая деталь – лапы, когти, глаза, уши, хвост и их взаиморасположение имели решающее семантическое значение), травоядного с вывернутой задней частью тела (хотя к такой манере изображения раненого зверя иногда прибегали и средневековые мастера; вспомним, например, рисунок лука седла из Кудыргэ), приходит общедоступное, чрезвычайно мобильное (не лишенное и мифологичности), наиболее точно отражающее социально-политическую ситуацию в обществе, где все находилось в «перманентном» движении, в состоянии ведения наступательных или оборонительных военных действий, искусство, центральным (разумеется, не единственным) персонажем которого становится вооруженный воин – конный знаменосец, меткий стрелок, охотник.

В многоплановом и эпическом образе вооруженного всадника в искусстве, иногда с различными воинскими атрибутами (знамена, штандарты, бунчуки), персонифицировались все благоприятные явления и катаклизмы в обществе и природе того времени.

Средневековый звериный стиль и особая техника граффито быстро распространяются в культурной среде не только древних тюрков, но и других народов, тесно соприкасавшихся с ними, и становятся своего рода художественным койне, понятным и доступным всем.

Ведущие мотивы и сюжеты изобразительного искусства кочевников служили в ряде случаев образцами для подражания художникам-профессионалам в создании синкретических по форме и содержанию произведений и оформлении интерьеров парадных залов храмов и дворцов городов оседло-земледельческих оазисов, особенно там, где легитимность власти тюркских династий признавалась безусловной.

Всё это связано с интенсивными этнокультурными, военными, торговыми и прочими контактами и миграционными

Рис. 4. Батальная сцена с участием конных и пеших копейщиков. Баянжурек

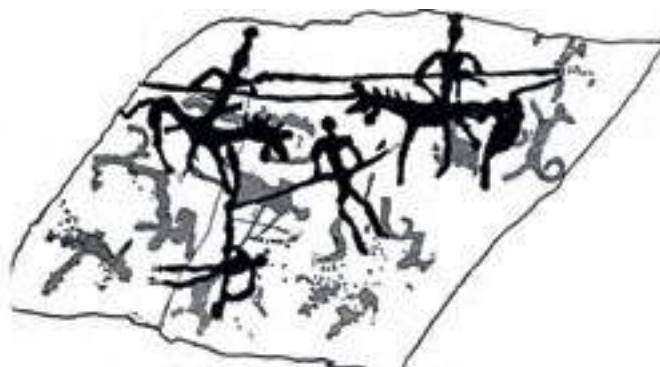

Fig. 4. Battle scene with the horse and foot spearmen. Bayanzhurek

процессами, способствовавшими выработке сходных черт в разных культурах и возникновению культурных диффузий.

Графическое искусство средневековых тюркоязычных народов непосредственно вырастает из недр изобразительного искусства народов предшествующих исторических периодов, начиная с «завершающего этапа эпохи ранних кочевников» Южной Сибири и Центральной Азии, и отражает те изменения, которые происходили в их общественно-политической жизни, мировоззрении, религии, в мифо-ритуальном комплексе в целом под воздействием новых реалий – миграций, войн, этнокультурных взаимодействий, образования и распада государственных объединений.

Всадник на коне, изредка со знаменем в руках, с луком в налучье и пикой, является своеобразной эмблемой эпохи, когда на авансцене истории появляются могущественные вожди кочевых государственных образований, племенных союзов, племен и родов, а также полководцы, герои, реальные и обобщенные образы которых были зафиксированы во всех доступных средствах информации той героической эпохи, в том числе и на камне (Самашев, 2011: 60-75; Потапов, 2007: 59).

Отсюда ярко выраженный прокламативный характер этого искусства, по сути отвечавшего потребностям милитаризованного средневекового кочевнического общества, когда в результате многочисленных военно-политических действий возникали и распадалась могущественные степные

империи, одни племена поглощались другими, происходили захваты и присоединения территориальных владений, но в то же время были и периоды мирные, когда создавались произведения искусства, поэтические труды, совершенствовались техника и технология обработки материала, строились великолепные кочевнические города, ставшие центрами ремесла и торговли в цветущих оазисах и на берегах великих центральноазиатских рек – Орхона, Иртыша, Или, Таласа, Сырдарьи (рис. 4). В центре всех этих событий находился человек на коне, наделенный обществом особыми привилегиями и снискавший уважение и признание благодаря личной доблести и отваге, добытых на полях сражений, ставших, в некоторой степени, архетипом культуры. Конный знаменосец – наиболее узнаваемая эмблема той героической эпохи и особый «культурный код» древнетюркского культурного комплекса.

Сам воин-мужчина, его конь с убранством и комплект вооружения вместе взятые – триединый монолит культуры, созданный в ходе многотысячелетнего развития коневодства и всадничества, начиная, возможно, с яркого феномена ранних коневодов энеолитического Ботая на севере казахских степей.

Время освоения коня как средства верховой езды, по нынешним представлениям, конец III – начало II тыс. до н. э. Это период наступления действительной эры великих «кентавров» – мифологизированных героев, сросшихся с конем и наводивших ужас на народы оседло-земледельческой периферии ойкумены.

Апофеозом героизации конного воина можно считать создание образа идеального героя в памятниках ранней тюркской поэзии середины VIII в. н. э., представленные в первую очередь орхоно-енисейскими надписями на стелах-битиктасах (Стеблева, 1976: 25-30).

Наскальные изображения средневекового воина-всадника, вооруженного различными видами оружия и со знаменем или бунчуком в руках, особенно часто встречаются в петроглифах Прибайкалья, Южной Сибири и Монгольского Алтая, а также Жетысу и Верхнего Прииртышья – в регионах, где находились важнейшие административно-политические центры Западнотюркского каганата и других государственных образований тюркоязычных этносов, возникших после их распада.

Искусство населения оседлоземледельческих центров и городов

В южных регионах нашей страны – в Жетысу, в бассейнах крупнейших рек (Талас, среднее течение и низовья Сырдарьи и др.), Отрарского и Туркестанского оазисов, на трассе Великого Шелкового пути в целом издавна сложились, в силу природно-климатических и иных причин, оседло-земледельческие формы хозяйственной деятельности, что, естественно, обуславливало возникновение у полиэтнического по составу населения особого пласта духовной культуры, представленной архитектурными формами городов, поселений и усадеб, а также культовых сооружений, декоративными узорами изделий ремесленного производства, предназначенных как для личного потребления, так и для обмена или продажи.

Изучение средневековой городской культуры Казахстана уже имеет свою богатую историю (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972; Сенигова, 1972; Смагулов, 2011). К числу интересных архитектурных элементов в средневековом домостроительстве относятся художественная резьба по толстому слою сырой штукатурки (резной штукатур), резные доски и настенная живопись. Для оформления внутреннего пространства помещения нередко использовались геометрические, растительные (виноград, цветы, тюльпаны), эпиграфические мотивы (стилизованные изображения букв). На городище Куйрыктобе в Отрарском

оазисе сохранились остатки горелых досок с изображениями богов и сцен светского содержания, которые когда-то украшали парадный зал дворца местного правителя.

Интересен и разнообразен вещный мир средневекового горожанина. В отличие от предметов, обнаруженных при раскопках погребальных сооружений, когда они становились частью своеобразного текста, предназначенного для путешествия человека в иной мир, и соответственно происходил их отбор, артефакты эпохи средневековья, сохранившиеся в руинах некогда величественных городов, дают уникальную возможность узнать, из чего состояла обывная жизнь людей прошлого.

Продукты гончарного производства, особенно поливная керамика с причудливым сочетанием орнаментальных композиций и цветов на поверхности; резные или глазурованные декоративные плиты, культовые и бытовые предметы, покрытые разнообразными узорами, отражающие художественный стиль, вкусы горожан и, безусловно, этнокультурные явления, – своеобразная визитная карточка средневековой оседло-земледельческой культуры Казахстана.

Поражают насыщенный цвет глазури на изысканных чашах и пиалах, сложный резной или штампованный орнамент на великолепных кувшинах, хумах, мисках и дастарханах, виртуозно переданные зооморфные и антропоморфные образы, и нам остается удивляться фантазии, умению, чувству формы, цвета древних мастеров.

В глазурованной керамике царит торжество цвета. Средневековыми гончарами используется контраст между цветом орнамента и поверхностью, что придает ей глубину. Растительные мотивы являлись главными в декоративно-прикладном искусстве всего средневековья.

Дошедшие до нас различные украшения из драгоценных и полудрагоценных камней (например, геммы), кости, металла, стеклянной массы (бусы, подвески, браслеты, кольца и т. д.) свидетельствуют об изысканном вкусе жителей средневековых городов Казахстана и указывают на обширные культурные контакты с соседними странами. Многие вещи изготавливались для отправления религиозного культа или для служителей культа.

Традиция создания великолепных дворцовых комплексов с богатейшими интерьерами, произведений художественного ремесла и ювелирных изделий, а также различного рода украшений костюма, оружия и, конечно же, посуды из драгоценных металлов и глины получает новый импульс в городских центрах Улуса Жошы (Золотая Орда) в XIII – XV вв., о чем свидетельствуют, в частности, наши

археологические исследования на развалинах городища Сарайчик (Самашев, 2006: 137-162; Тасмагамбетов, Самашев, 2001; Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А., 2007; Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Онгар А., 2007; Самашев З., Кузнецова О.В., 2008) (рис. 5), который считался одним из важнейших культурных центров империи в период ее наивысшего расцвета.

*Рис. 5. Кварталы древнего Сарайчика.
Раскопки З. Самашева*

*Fig. 5. Quarters of ancient Saraichik.
Excavations of Z. Samashev*

Литература

1. Конькова Л.В., Король Г.Г. Формирование и развитие традиций в обработке художественного металла в степной Евразии эпохи средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 94-100.
2. Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки: Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – Москва–Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – Вып. 5. – 332 с.
3. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М., 1976. – 227 с.
4. Кубарев Г.В. Растительная орнаментация в декоративном искусстве древних тюрок // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции // Материалы тематической научной конференции. – СПб., 2004. – С. 333-338.
5. Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998. – Вып. 9. – С. 201-203.
6. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск, 1996. – 162 с.
7. Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения киданей и их аналогии в памятниках Южной и Западной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С. 144-151.
8. Самашев З., Базылхан Н., Баяр Д. Древнетюркские каменные изваяния Евразийских степей // Мәдени мұра. Культурное наследие. – Астана, 2009. – №1 (22) қаңтар-наурыз. – С. 30-39.
9. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1974. – Вып. Е 4-2. – 200 с.

МӘДЕНИ МҰРА

10. Чариков А.А. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – С. 130-140.
11. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяние Казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. – 132 с.
12. Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы: ОФ «Тюркское наследие», 2006. – 168 с.
13. Самашев З. Берел. – Алматы: «Таймас» Баспа Үйі, 2011. – 236 с.; Потапов С.А. Древнее святилище Каракыр. – Алматы: Ғылым, 2007. – 176 с.
14. Стеблева И.В. К вопросу о комплексном изучении древнетюркской культуры // Советская тюркология. – 1976. – № 4. – С. 25–30.
15. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Топография, стратиграфия, перспективы. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 216 с.
16. Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 219 с.; Смагулов Е. Древний Сауран. – А.: АО «Абди Компании», 2011. – 436 с.
17. Самашев З. Петроглифы Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 200 с.
18. Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайчик. – Алматы: ОФ «Берел», 2001. – 320 с.
19. Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. – Алматы: Издательская группа ТОО «Археология», 2007. – 400 с.
20. Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Онгар А. Древнее золото Казахстана. – Алматы: Өнер, 2007. – 160 с.
21. Самашев З., Кузнецова О.В. Керамика Сарайчика. – Алматы: ТОО «Археология», 2008. – 263 с.

References

1. Kōnkova L.V., Koröl G.G. Formirovanie i razvitie traditsii v obrabotke hudozhestvennogo metala v stepnoi Evrazii epokhi srednevekov'ya // Arheologia, etnografia i antropologia Evrazii. – 2001. – № 1. – S. 94-100.
2. Koröl G.G. Iskustvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki: Trudy Sibirskoi Asosiasii issledovatelei pervobytnogo iskustva. – Moskva–Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. – Vyp. 5. – 332 s.
3. Fedorov-Davydov G.A. Iskustvo kochevnikov i Zolotoi Ordyy. – M., 1976. – 227 s.
4. Kubarev G.V. Rastitelnaia ornamentatsia v dekorativnom iskustve drevnih tyurok // Izobrazitelnye pamiatniki: stil, epoha, kompozitsii // Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii. – SPb., 2004. – S. 333–338.
5. Alehin Iu.P. Kurgan kimakskoi znati na Rudnom Altae // Sohranenie i izuchenie kulturnogo nasledia Altaiskogo kraia. – Barnaul, 1998. – Vyp. 9. – S. 201–203.
6. Dobjanski V.N. Nabornye poiasa kochevnikov Azii. – Novosibirsk, 1996. – 162 s.
7. Gorbunova T.G. Ukraşeniia konskogo snarajeniia kidanei i ih analogii v pamiatnikakh Iujnoi i Zapadnoi Sibiri // Snarajeniie kochevnikov Evrazii. – Barnaul, 2005. – S. 144–151.
8. Samaşev Z., Bazylhan N., Baiar D. Drevnetyrkские kamenye izvanii Evraziskikh stepei // Madeni mura. Kulturnoe nasledie. – Astana, 2009. – №1 (22) qaŋtar-nauryz. – S. 30–39.
9. Pletneva S.A. Poloveskie kamenye izvaianii // Svod arheologicheskikh istochnikov. – M.: Nauka, 1974. – Vyp. E 4-2. – 200 s.
10. Charikov A.A. Kamenye skulptury srednevekovykh kochevnikov Priirtyşia // Arheologicheskie issledovania drevnego i srednevekovogo Kazahstana. – Alma-Ata, 1980. – S. 130-140.
11. Ermolenko L.N. Srednevekovye kamenye izvaianie Kazahstanskikh stepei (tipologia, semantika v aspekte voenoi ideologii i traditsionnogo mirovoztrenia). – Novosibirsk: Izd-vo IAE SO RAN, 2004. – 132 s.
12. Dosymbaeva A. Zapadnyi Tyrkский kaganat. Kulturnoe nasledie kazahskoi stepi. – Алматы: ОФ «Tyrkское nasledie», 2006. – 168 s.
13. Samaşev Z. Berel. – Алматы: «Taimas» Baspa Üii, 2011. – 236 s.; Potapov S.A. Drevnee svatilişie Karakyr. – Алматы: Kitap, 2007. – 176 s.

14. Stebleva I.V. K voprosu o kompleksnom izuchenii drevnetürkskoi kültury // Sovetskaia türkölogia. – 1976. – № 4. – S. 25-30.

15. Akişev K.A., Baipakov K.M., Erzakovich L.B. Drevni Otrar. Topografia, stratigrafia, perspektivy. – Alma-Ata: Nauka, 1972. – 216 s.

16. Senigova T.N. Srednevekovyi Taraz. – Alma-Ata: Nauka, 1972. – 219 s.; Smagulov E. Drevni Sauran. – A.: AO «Abdi Kompanii», 2011. – 436 s.

17. Samaşev Z. Petroglify Kazahstana. – Almaty: Öner, 2006. – 200 s.

18. Tasmagambetov İ., Samaşev Z. Saraichik. – Almaty: OF «Berel», 2001. – 320 s.

19. Samaşev Z., Kuşerbaev K., Amanşaeв E., Astafev A. Sokrovişa Ustürta i Mankystau. – Almaty: İzdatelskaia grupa TOO «Arheologia», 2007. – 400 s.

20. Samaşev Z., Jumabekova G., Bazarbaeva G., Ongar A. Drevnee zoloto Kazahstana. – Almaty: Öner, 2007. – 160 s.

21. Samaşev Z., Kuznesova O.V. Keramika Saraichika. – Almaty: TOO «Arheologia», 2008. – 263 s.

—•••—

Самашев З.С.

ОРТА ҒАСЫРЛАР ДӘУІРІНДЕГІ БЕЙНЕЛЕУ ӘРЕКЕТІ

Мақала Еуразияның мәдени өміріндегі елеулі оқиғаретіндеерте орта ғасырлардағы түркі тайпаларының мемлекеттік бірлестіктерінің пайда болу кезеңін зерттеуге арналған. Жұмыста бұл құбылыс көне түркілердің сәндік, монументалды өнерінің, жартас суреттерінің, сондай-ақ отырықшы егіншілік орталықтары мен қала тұрғындарының өнерінің ерекшеліктері тұрғысынан қарастырылады. Автор орта ғасырлардағы тұтас қоғамды және тұлғаны сипаттайтын маркерлердің бір түрі ретінде көркемдік-бейнелі жүйені, технологияны, символдық-дәстүрлік компонентті жобалаудың негізгі принциптерін зерттеп, сипаттайды.

Түйін сөздер: орта ғасырлар, монументалды өнер, түркі тайпалары, торевтика.

Samashev Z.S.

FINE ACTIVITY IN THE MIDDLE AGES

The article is devoted to the study of the period of the emergence of state associations of Turkic tribes in the Early Middle Ages as a landmark event in the cultural life of Eurasia. In the work, this phenomenon is considered from the standpoint of the features of the decorative, monumental art of the ancient Turks, rock paintings, as well as the art of the population of settled agricultural centers and cities. The author studies and describes the main principles of the design of the artistic-figurative system, technology, the symbolic-traditional component as a kind of markers that characterize society as a whole and a person in the Middle Ages.

Keywords: Middle Ages, monumental art, Turkic tribes, toreutics.